

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Много лет в горах
Крыма хранится
уникальное сокровище,
принадлежавшее
знаменитой французской
королеве Марии-
Антуанетте...

Ольга БАСКОВА

Проклятое ожерелье Марии-Антуанетты

Ольга Баскова
Проклятое ожерелье
Марии-Антуанетты
Серия «Артефакт & Детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38978345

Проклятое ожерелье Марии-Антуанетты: [роман] / Ольга Баскова:

Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-097679-9

Аннотация

Если верить старинной легенде, графиня де Ла Мотт, укравшая драгоценное бриллиантовое ожерелье Марии-Антуанетты, не погибла в Англии, как утверждает историческая хроника, инсценировав свою смерть, она поселилась в Крыму, где и дожила до глубокой старости, сохранив в неприкосновенности бриллианты. Много позже на их поиски была послана группа сотрудников МГБ, но, по официальным данным, ожерелье графини так и не было найдено. Впрочем, тот, кто в наши дни одного за другим устраняет членов группы и их родственников, явно считает иначе...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ольга Баскова

Проклятое ожерелье

Марии-Антуанетты

© Баскова О., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

Париж, 1785

В один из морозных зимних дней богато одетая дама чинно вышла из подъезда одного из домов на беднейшей улице Парижа. Прохожим, кутавшимся в воротники пальто, странно было видеть эту женщину в мехах, с сияющими в маленьких ушах бриллиантами, и они смотрели на нее с нескрываемым удивлением. Незнакомка не замечала пристальных взглядов. Ее тонкие губы улыбались, голубые глаза сверкали. Судя по всему, она была счастлива. Сунув в муфту руки, в одной из которых она сжимала маленькую сумочку из черной кожи, женщина зашагала к экипажу, одиноко стоящему чуть в стороне. Сначала она не обратила никакого внимания на группу из трех оборванцев – подростков, которые шли за ней по пятам. Один из них перегнал женщину и перегородил ей дорогу:

– Тетя, дай монетку на хлебушек.

Дама вздрогнула:

– У меня ничего нет, мальчик. Ступай откуда пришел.

Два других присоединились к товарищу:

– Тетя, тетя, дай монетку!

Женщина испуганно озиралась по сторонам. Как назло, улица внезапно опустела.

— Тетя, а мы не верим, что у вас ничего нет, — заявил высокий и тощий как жердь подросток с белобрысым чубом. — Дайте свою сумочку.

Дама заметалась, как испуганная птица, но оборванцы, прижав ее к стене дома, вырвали из рук муфту вместе с сумочкой и растворились в сумерках.

«Там было сто лудиров», — крутилось в голове аристократки. Господи, зачем она взяла так много? Ведь она не собиралась жертвовать этой самозванке королевской крови большую сумму и не пожертвовала. Что же теперь делать? Она собралась с силами и двинулась к своему экипажу, который оставила за два квартала. Конечно, это была глупость. Глупо стыдиться благотворительности. Наверное, за это ее и наказали высшие силы.

Разумеется, она не видела, как трое ее обидчиков, подождав, пока экипаж скрылся из виду, вынырнули из темноты, направились к тому подъезду, из которого вышла их жертва, поднялись по обшарпанной лестнице на второй этаж и постучали в дверь. Она сразу открылась, и в темном коридоре показалась фигура в белом халате.

— Вот. — Самый высокий протянул кошелек. Тонкая изящная рука открыла его и дала по золотому каждому из мальчиков.

— Надо бы прибавить, — сказал белобрысый.

– Обойдетесь. Для вас это целое состояние, – шепотом проговорила хозяйка квартиры. – Возможно, завтра нам так же повезет.

– Хотелось бы, – прогнусавил самый маленький. – Ладно, хозяйка, мы на стреме. Сегодня, наверное, уже никто не придет, а завтра с утра встанем на вахту.

– Да пораньше, – напутствовала их женищина. – Не провороньте свое счастье.

Кивнув на прощание, мальчишки ушли, тихо переговариваясь о барышах, которые удалось заработать за день. Такая работа им нравилась. Главное – осторожность. Не дай бог, они попадутся на глаза какой-нибудь ограбленной ими дамочке и она натравит на них полицию. Но для того, чтобы жертва причинила им неприятности, она прежде должна узнать своих обидчиков. А это не такое легкое дело. Тысячи оборванцев, похожих на этих мальчишек как две капли воды, бродили по Парижу в поисках наживы. На всякий случай завтра они облачатся в другие лохмотья и сильнее обмажутся грязью. Как говорится, береженого бог бережет. Радость от заработанных денег была через край, и парни выражали ее криками и гиканьем.

В тот момент они не думали о женищине, предоставившей им такой заработок, и не подозревали, что она была не менее счастлива. Подумать только, пять самых богатых дам Парижа, сами того не зная, подарили ей свои кошельки. Еще немного – и можно обзавестись драгоценностями, кра-

сивыми платьями и экипажем, а потом просить кредит у банкиров. Однажды один человек из высшего общества сказал, что кредиты охотнее выдаются тем, кто приезжает в собственных экипажах. Что ж, он был совершенно прав.

Дивногорск, 2017

Юля проснулась от громкого чириканья воробьев на подоконнике и, открыв глаза, сразу их зажмурила. Яркий, прямой, как линейка, луч солнца, просочившись между красными, как густой томатный сок, занавесками с белыми полосками, упал на ее овальное лицо с маленьким вздернутым носом, покрытым едва заметными веснушками, чуть тронул пухлые губы, особенно верхнюю, слегка загнутую (за такие многие платят пластическим хирургам большие деньги), пощекотал высокие скулы, пушистые темные брови, переместился на волосы цвета спелой ржи и остановился на длинных ресницах.

– Дай мне поспать, – прошептала девушка, закрываясь ладошкой, но бродяга-луч упорно не хотел оставлять ее, ослепляя и заставляя встать, словно говоря: «Уже много времени, лежебока. И дел, кстати, сегодня у тебя много». Улыбнувшись, Юля вскочила и бросила взгляд на часы с кукушкой, гордость покойной бабушки. Кукушка давно не куковала, превратившись в дряхлого инвалида. Еще недавно она вылезала из гнезда, чтобы издать хриплые звуки и со скри-

пом исчезнуть, однако вот уже год у нее не хватало сил сделать даже это. Что случилось с механизмом и можно ли починить часы, Юлю не интересовало. Даже если мастер вынесет им смертный приговор, они все равно останутся висеть на стене, не гармонируя с современными моющимися обоями – в память о любимой бабушке. Да и дед никогда бы не позволил снять их и бросить на антресоли, где уже валялось много всякой всячины.

– Господи, уже половина девятого! – Юля схватилась за голову. – А мне еще нужно сбегать в церковь, освятить пасочки и отвезти их бабушке на дачу. Да и Сергей обещал подъехать к десяти. Хорошо, что сегодня солнечно. До чего надоел противный дождь!

А дождь действительно надоел не только ей, но и всему городу. Он лил, не переставая, ночь за ночью, день за днем, превращая городские парки в болота, бесконечно рисуя на оконных стеклах узоры, похожие на дождевых червей.

Облачившись в короткий махровый халатик, выгодно подчеркивающий красивую фигуру – узкие бедра, широкие плечи, рост почти модельный – метр семьдесят с лишним, девушка бросилась в ванную. Заурчал душ, потом зашумела вода в умывальнике, и Юля вышла свеженькой, чистой до скрипа, расчесывая влажные густые волосы.

– Позавтракать уже не успею, – с сожалением сказала она, глотая слюну при виде аккуратных маленьких пасочек, покрытых белой глазурью и посыпанных розовой присыпкой,

напоминавшей пшеничную крупу. – Это ничего, дедушка напоят чаем.

Быстро сложив куличики в пакет, она надела черное с белым воротником платье (и Сергей, и дедушка считали, что оно очень ей идет). Золотистые волосы, выгодно оттеняемые черным, падали ей на плечи как естественное украшение. Накинула кожаную куртку, сунула ноги в туфли на высоком каблуке и, схватив сумочку из натуральной кожи, купленную на первую премию, полученную за статью о бывшем мэре и его окружении, выбежала на лестничную клетку. Юля обожала светлый праздник Пасхи, с колокольным звоном, суетой на улицах, запахом свежих куличей, наполнявшим подъезд, доносившимся почти из каждой квартиры. Когда-то и в ее квартире пахло ванилью и свежесвеженным тестом. Хлопотунья-бабушка каждый год делала куличи сама, морщась от магазинной выпечки, приносимой внучкой, как от зубной боли.

– О тебе же забочусь, – ласково говорила Юля, с сожалением наблюдая, как натруженные руки с коричневыми пятнами месят желтоватое тесто. – Тебе нужно отдыхать, сама на сердце жалуешься, а себе не изменяешь.

– Мне уже меняться поздно, – возражала бабушка. – Чувствую, что немного осталось, вот и хочу вас побаловать. Будешь обо мне вспоминать с теплотой.

– Ты и так много для меня сделала, – говорила Юля. – Вырастила... Отец и мама, сколько я помню, всегда были на

работе.

– Труженики они, – улыбалась потемневшими губами бабушка. – И ты такая же труженица. Вот увидишь, пройдут годы, и ты своим внукам так же будешь печь пасочки.

Юля обнимала ее и уходила к себе, к своим книгам, а родной человек возился на кухне. Тогда девушка не воспринимала всерьез ее слова о скором уходе из жизни, но однажды бабушка не проснулась утром, и с ее смертью в их большой и дружной семье началась черная полоса. Через год от инфаркта скончалась мама, молодая, полная сил, удивительно красивая даже в пятьдесят, и отец, не выдержав, покончил с собой. Покончил с собой... Так говорили, однако дочь не верила. Папа был полковником полиции, сильным, волевым человеком, честным и неподкупным. Он знал, что после его ухода дочь останется со стариком дедом, его отцом, что он одинаково нужен обоим... Вот почему полковник не мог, не имел права их покинуть. Не мог – и точка. Так Юля и сказала старому другу отца, начальнику полиции Георгию Ивановичу Колесову, однако он лишь сокрушенно покачал головой:

– В жизни бывает всякое, деточка. Наверное, его подкосила смерть твоей мамы. Сдали нервы – и шагнул в петлю. Такое бывает и с сильными людьми.

Юля горячо возражала, однако ее возражения никому не были интересны.

– Я все равно доберусь до истины, – сказала она себе, выходя из кабинета Георгия Ивановича. – Вот увидите.

– Вот увидите, – повторила она и сегодня, сбегая с лестницы и с удовольствием вдыхая запах ванили. – Я докажу.

Юля подумала, что сегодня можно подробно обсудить вопрос гибели отца со служившим в полиции и недавно получившим звание капитана Сергеем и дедушкой, бывшим офицером. Кстати, она собиралась поинтересоваться, в каких все-таки войсках служил Матвей Петрович. А то неудобно получается... Хвастается своим подругам дедом-полковником и даже не знает, где и как он проходил службу. По огромной фотографии, висевшей на стене в большой комнате, ничего не скажешь. Три звезды на погонах с двумя пролетами – точно полковник. И на этом кончаются все ее знания. Стыдоба какая... Бабушку о многом не успела расспросить, маму, отца... Путь хотя бы дед восполнит пробелы в ее знаниях о семье. Улыбнувшись своим мыслям, представив встречу с дедушкой, всегда радовавшимся ее приходу, она не заметила, как дошла до храма, в который любила ходить ее мать, – собора Святых Петра и Павла. От ступенек и вдоль ограды тянулась огромная очередь жаждущих освятить куличи и крашеные яйца. Старушки со счастливыми морщинистыми лицами, в белых платочках и темных юбках громко пели: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ...» Все ждали выхода батюшки, отца Сергия, довольно молодого, румяного, с излучавшими доброту глазами. Юля разложила на полиэтиленовом пакете свое пасхальное угощение и, когда показалось шествие, с удовольствием сунула

одно яичко, ярко-розовое с крапинками, в корзинку мальчика-дьячка. Отец Сергей, с торжественной улыбкой напевая пасхальный канон, освящал и прихожан, и их корзины. Женщины подпевали. Величественная песня, казалось, взмывала ввысь и разливалась в небесной лазури необыкновенными серебристыми переливами. Девушка с удовольствием подставила голову, и батюшка окропил святой водой ее золотистые волосы. Ей показалось, что сразу исчезла усталость, накопленная за трудную трудовую неделю, на душе стало легко и радостно. Созвучно ее настроению, в сумке пением птиц разразился мобильный. Дисплей высветил имя – Сергей.

– Здравствуй, любимая, – раздался его чуть глуховатый голос. – Христос воскрес!

– Воистину воскрес, – отозвалась девушка. – Ты где?

– А ты? – в тон ей спросил мужчина. – Впрочем, погоди. Дай отгадаю. Ты святишь куличи.

– Недаром ты полицейский, – рассмеялась Юля. – Только что закончила.

– Тогда подъезжаю. – Он отключился, и девушка стала оглядываться по сторонам. Сергей жил неподалеку от собора, из его окна можно было увидеть огромные золотые купола, отливавшие на солнце каким-то особым цветом – от золотого до красновато-коричневого. И до полицейского управления было рукой подать, от храма два квартала. В общем, ему повезло – все под боком, даже любимая девушка. Увидев черный «Опель», Юля махнула рукой водителю и быстрым

шагом направилась к нему. Капитан Сергей Плотников, как всегда в безукоризненно белой рубашке и коричневом кожаном пиджаке, восседал за рулем. Его красивое мужественное лицо озарилось улыбкой при виде любимой, стальные с золотыми крапинками глаза просветлели, разгладились две поперечные морщинки на широком лбу.

– Здравствуй. – Он выскочил из машины и помог Юле сесть на переднее сиденье рядом с собой. – Ты не поверишь, как я соскучился!

– Я тоже соскучилась, – рассмеялась девушка и чмокнула его в смуглую щеку, проводя пальцами по смоляно-черной шевелюре. – Странно, правда?

– Что же тут странного, если мы любим друг друга? – Молодой человек обнял ее, обдав запахом дорогого французского парфюма – он не жалел денег на хорошие вещи, а китайские подделки терпеть не мог. – Ну что, поехали обрадовать деда?

Юля достала телефон и взглянула на дисплей.

– Странно, что он еще не звонил, – удивилась она.

– Юленька, зачем ему звонить, если он и так знает, что ты приедешь? – успокоил ее Сергей. – Мы, мужчины, стараемся не тратить время на уточнение того, что и так ясно.

– Да, но обычно он звонит еще утром. – Самойлова бросила телефон в сумочку. – Ладно, наверное, ты прав. Вчера вечером мы обстоятельно обо всем поговорили. Поехали.

– Слушаю и повинуюсь. – Сергей взял под воображаемый

козырек, и машина тронулась с места, сразу свернув на дорогу к дачному поселку. Вот уже много лет, еще до смерти сына и невестки, Матвей Петрович жил на даче, которую обустроил еще при бабушке. Добротный каменный дом в три комнаты, с верандой, увитой диким виноградом, на которой он по вечерам в теплые дни любил почаевничать, участок в пять соток, где что только не росло: и съедобное – помидоры, огурцы, баклажаны, кабачки, картофель, вишни, сливы, яблоки, виноград, клубника, малина; и несъедобное, но очень красивое: розы, тюльпаны, лилии, душистый горошек... Матвей Петрович никогда не отпускал внуку без огромного букета цветов. Весной это были тюльпаны, нарциссы, растрепанная белая и фиолетовая сирень, летом – садовые лилии с лепестками, обсыпанными желтой пылью, огромные красные розы с толстыми шипами и темно-зелеными глянцевыми листьями, осенью – другие розы, желтые с розовым, стройные гладиолусы, издававшие тонкий аромат французских духов. Когда Юля оставалась ночевать, они с дедом жарили шашлыки на старом мангале, там же пекли картошку, яблоки, резали салат и с удовольствием съедали все на ухоженной веранде, выкрашенной в зеленый цвет и оплетенной, как паутиной, диким виноградом, в изобилии дававшим летом черные круглые плоды, которые, к сожалению, нельзя было есть. Зимой, с наступлением холодов, девушка звала деда пожить в квартире, однако он непременно отказывался.

– У тебя своя жизнь, Юла, – так он называл ее с младенчества – Юла – и все тут. Она привыкла и уже не представляла, что Матвей Петрович назовет ее как-то по-другому. – Я не хочу тебе мешать. А на даче мне очень хорошо. Ты даже не представляешь, как. В моем возрасте человек живет воспоминаниями. Я хожу по дорожкам и вспоминаю, как мы с твоей бабушкой сажали деревья, поливали цветы... Как ты бегала маленькая по грядкам, а мы любовались тобой. Нет, дорогая, это мой мир, и я не собираюсь его покидать. Что касается холодов... Печка меня прекрасно согревает.

Юля попыталась спорить, но в конце концов сдалась. Если деду там хорошо, пусть живет. Магазин рядом, даже импровизированный рыночек есть. Дачники несут туда свежие молочные продукты, птицу, яйца, фрукты и овощи. Многие приезжают из города, чтобы полакомиться парным молочком и сметанкой. Экологические продукты, как известно, продлевают жизнь. Наверное, потому дед в свои восемьдесят выглядел молодцом.

Думая о своем, она не заметила, как машина миновала пустой рынок. Наверное, продавцы еще не вернулись из церкви, построенной из простых, гладко отполированных березовых бревен и напоминавшей сказочный терем с красной крышей и маленьким, будто игрушечным куполом. Возле нее толпился народ, и Юля так, на всякий случай, поискала глазами деда. Он рассказывал, что бабушка в последние годы жизни сделала религиозной, регулярно посещала церковь

и вычитывала вечерние и утренние молитвы. Это казалось странным всем, кто ее знал, потому что Ксения Павловна в молодости слыла комсомолкой-активисткой. Матвей Петрович не разделял ее религиозных взглядов, однако храм иногда посещал, три раза в году точно. В толпе его не было, впрочем, если дедушка и заходил в церковь, то рано утром, так как после десяти ждал в гости внучку. Сергей свернул на дорогу, змейкой вившуюся между дачами, довольно разношерстными – от трехэтажных особняков до деревянных, почерневших от времени хаток, и притормозил возле домика из красного кирпича, огороженного забором из колючей проволоки. По привычке молодой человек посигналил, ожидая выхода старика, однако никто не торопился их встречать.

– Спит, что ли, Матвей Петрович? – удивленно проговорил полицейский, дотрагиваясь до прямого тонкого носа.

– Скорее телевизор смотрит и не слышит. – Юля, пытаюсь подавить волнение, выскочила из машины и рванула на себя калитку. Как всегда, она оказалась открытой. – Дедуля, мы приехали! Дедушка, ты где?

По каменным вычищенным плитам она подошла к веранде. На дубовом столе, покрытом белой, местами попорченной, исполосованной шрамами скатерти с красными маками стоял стакан с недопитым чаем. Закопченный старый ветеран-чайник уставился на нее своим коричневым боком, на блюдечке сох ломтик лимона. Вероятно, дедушка попал на какую-то интересную передачу и забыл почаяевничать

всласть. Такое за ним водилось.

— Дедушка! — Юля вошла в коридор. Здесь стояли несколько пар обуви, служившей Матвеем Петровичу для разных целей: в одной он вскапывал огород, в другой навевался в сельский магазин, в третьей шел к озеру ловить рыбу или за грибами.

— Дедушка! — повторила девушка чуть громче и удивилась. Что-то в доме было не так. Телевизор, верный друг дачника, не работал. Непривычная тишина (вовсе не та доброжелательная, к которой она привыкла, нарушаемая лишь скрипом половиц, порывами ветра, дребезжанием оконной рамы) заставила сердце биться сильнее, выжала холодный пот. Самойлова вошла в комнату и споткнулась об опрокинутый стул.

— Да что же... — она недоговорила, проглотив слова, запнувшись, будто подавившись ими. В комнате, любовно убираемой стариком, царил полный разгром. Ящички старого серванта кто-то выдвинул до предела, разбросал их содержимое, и скромное бельишко Матвея Петровича валялось на полу. Полка из-под книг, которые он любил перечитывать, лежала возле окна. А сами книги небрежно разбросали по ковру. Разинутой пастью зияла открытая тумбочка. Девушка бросилась в соседнюю комнату, служившую старику спальней. На панцирной кровати кто-то скомкал одеяла и простыни, вспорол подушку. Пух белым снегом кружился по комнате, непрошеным гостем залезая в нос. Дедушка лежал у

кровати, неловко подогнув больную ногу. На его посиневшем лице застыло выражение скорби и боли. Дыхание с хрипом вырывалось из едва вздымающейся груди. Белая рубашка, надеваемая только в торжественных случаях, пропиталась кровью. Юля зажмурилась и громко закричала. Сергей пулей влетел в спальню старика.

– Что случилось?

Не переставая кричать, Юля указала на Матвея Петровича. Капитан подскочил к нему, чертыхнулся сквозь зубы и прижал пальцы к худой смуглой шее старика. На его лице сначала отразилась досада и недоумение, а потом Сергей щелкнул пальцами.

– Жив. Звони в «Скорую», а я своих ребят вызову. Эх, у кого рука поднялась... – Выругавшись в сердцах, он достал из кармана мобильный и быстро набрал номер.

– Андрюха? Бери-ка нашу бригаду и скорее дуй в дачный кооператив «Бриз». Дед моей невесты, Матвей Петрович Самойлов... Короче, тяжело ранен. Нет, не огнестрел, пока сам не разберусь, что с ним делали. – Он бросил взгляд на пропитанный кровью ковер. – Думаю, большая потеря крови. Да, Юля вызывает «Скорую». Что? Похоже на ограбление, вероятно, действовали какие-то отморозки. Все разворотили. Что искали – не пойму. Старик проживает здесь давно, и всем было известно, что красть у него нечего. В общем, бегом.

Отправив аппарат в карман, Сергей подошел к дрожащей

от страха невесте, лицо которой почти сливалось с белой штукатуренной стенкой, и крепко обнял ее.

– Юленька, тебе нужно крепиться. Он сильный, думаю, справится. – Мужчина глотнул, отметив про себя, что это очень неудачное утешение прозвучало неуверенно. Не вовремя навернулось на язык вводное слово «думаю».

– На это вся надежда, – буркнула девушка. – Боже, ну почему, почему? Какая кара преследует нашу семью? Кому мы что сделали? – Она нервно поднялась и выглянула в окно, задернутое старым тюлем. – Сначала мама, потом отец... И вот теперь дед. Господи, – она торопливо перекрестилась, ища глазами образок и не находя, – сохрани ему жизнь! – Потом, всплеснув руками, добавила: – Он умирает... Может быть, мы можем чем-то помочь?

– Мы не знаем, что с ним. – Сергей снова прижал ее к себе. – Судя по всему, кто-то пытал его, вон крови сколько. И ты ничем не поможешь. Только врачи...

Как бы в подтверждение его слов раздался вой сирены «Скорой», и белая с красным машина притормозила у калитки. Юля бросилась встречать врачей – высокого мужчину лет сорока и полную черноволосую и черноглазую женщину с суровыми чертами лица. Через минуту они уже были в доме.

– Где? – отрывисто поинтересовался врач и, едва дождавшись ответа, вбежал в спальню и склонился над Матвеем Петровичем.

– Григория зови, – распорядился он. – И срочно переливание.

Женщина оказалась на удивление проворной. Она сбегала за водителем, и дедушку положили на носилки и понесли к машине. Юля бежала рядом, поправляя простыню, которой она накрыла старика.

– Я с вами, можно? – Девушка умоляюще посмотрела на доктора, и тот кивнул:

– Давайте, только быстро. Залезайте.

Сергей едва успел обнять любимую:

– Позвони мне, как только сможешь.

– Да, обязательно. – Поддерживаемая женихом, Самойлова влезла в салон. Полная женщина уже готовила капельницу.

– Группу крови деда знаете? – спросил врач отрывисто. Юля закивала так быстро, что, казалось, голова оторвется от тонкой длинной шеи.

– Третья положительная, как у меня. Если что, я могу...

Мужчина испытующе посмотрел на нее:

– Пригодится. Гриша, гони.

Автомобиль рванул, провожаемый любопытными взглядами соседей. Сергей вздохнул и вернулся в комнату, ожидая своих товарищей.

Глава 2

Париж, 1785

Граф Алессандро Калиостро расхаживал по богато обставленному залу, довольно потирая подбородок. Он находился в Париже не один месяц и пока не собирался покидать гостеприимную Францию. Легковерных дураков в его жизни всегда хватало, и среди французов их нашлось более чем достаточно. Его затасканная байка о том, что он родился во время сотворения мира и спасся от Всемирного потопа на Ноевом ковчеге, шла на ура. На деле выходило, что ему более полутора тысяч лет, даже две без двухсот, но это никого не смущало. Знатные дамы и кавалеры вовсю раскупали его бальзам, веря, что им тоже удастся сохранить молодость. Ах, молодость, молодость! На что только не пойдет человек, чтобы ее продлить! Калиостро подошел к столу, накрытому парчовой с золотой вышивкой скатертью, и взял в руки флакон с позолоченной крышкой. Внутри поблескивала зеленоватая жидкость – его знаменитый бальзам. Сколько ему удалось его продать? Тонну? Граф поставил флакон на место, подошел к маленькому шкафу из орехового дерева и открыл верхнюю створку. На полке красовалось с десяток

таких флаконов.

«Маловато, – решил Калиостро. – Завтра у меня спиритический сеанс. После него наверняка найдутся желающие приобрести чудодейственное зелье. Нужно сегодня же постараться изготовить хотя бы парочку флаконов». Приняв решение, мужчина пригладил напудренный парик и улыбнулся. Он вспомнил, как дотошный престарелый маркиз де Совиньи, у которого отсутствовала половина зубов и волос, с желтым, как старый пергамент, лицом, испещренным морщинами, допытывался, сколько времени нужно принимать это зелье, чтобы помолодеть хотя бы на десяток лет. Калиостро наобум брякнул, что не менее пятидесяти. Совиньи помрачнел и заявил, что тогда ему нет никакого смысла платить такие деньги за лекарство, которое, по сути, ему не пригодится: дескать, он вряд ли проживет еще полвека. Граф с тщательно отрепетированной приятнейшей улыбкой заверил старика: снадобье продлевает не только молодость, но и жизнь. А значит, у distinguished маркиза нет никакого повода волноваться. Разумеется, он проживет пятьдесят лет и в один прекрасный день заметит, что к нему возвращается молодость. Это решило дело. Недоверчивый Совиньи приобрел два флакона.

Калиостро мысленно посмеялся над ним, как и над всеми остальными покупателями. Шафран, настойка алоэ, розовая вода, входившие в эликсир, никак не причинят вреда, но и не принесут никакой пользы. Да, на доверчивости людей

определенно можно сделать и деньги, и имя.

Граф подошел к зеркалу и довольным взглядом окинул себя с головы до ног. В зеркале отразился представительный мужчина средних лет с прекрасным цветом лица, в меру полноватый, с умными серыми глазами и пронзительным взглядом. «Порой я и сам начинаю верить, что мне более тысячи лет», – усмехнулся Алессандро и позвонил в колокольчик. Верный слуга Гильом, юркий, проворный мужичок, напоминавший доброго гнома с мышинным личиком, тотчас возник перед господином:

– Что прикажете, сударь? Для завтрашнего спиритического сеанса все готово.

– Не все, мой дорогой Гильом, – возразил граф. – Я хочу поручить тебе одно очень важное задание. Только ты с твоим умом и деликатностью способен его выполнить.

Слуга склонился так низко, что с парика посыпалась пудра.

– Я к вашим услугам, синьор.

– Тебе во что бы то ни стало нужно разыскать одну женщину и пригласить ее на сеанс, – сказал хозяин. – Я слышал, сейчас она в Париже, и мне необходимо видеть ее у себя.

– Если эта женщина богата и знатна, мне ничего не стоит выполнить ваше поручение. – Гильом по-прежнему стоял в угодливой позе.

– На данный момент она скорее бедна, чем богата, – отозвался Алессандро. – Она носит графский титул, как и я.

Он достался ей от мужа. Но в обществе ее не принимают.
Слуга вытаращил глаза:

— Вы хотите, чтобы такая эсеница присутствовала на вашем сеансе? Но что скажут маркиза, графиня и...

Калиостро поднял изящную белую руку с ухоженными ногтями.

— Эта дама довольно деликатна, и я не сомневаюсь, что она наденет густую вуаль. Что же касается дальнейших действий, предоставь это мне.

Он гордо выпрямился, и слуга с восхищением посмотрел на своего господина. Да, поистине он благородного происхождения, что бы ни болтали злые языки. Горделивая осанка, умный проницательный взгляд, орлиный нос...

— Я сделаю все, что вы прикажете.

— Вот и отлично. — Алессандро взял со стола листок и подал слуге. — Ее зовут Жанна де Ла Мотт. Еще совсем недавно она проживала по этому адресу, но не уверен, что графиня находится там и сейчас.

Гильом пробежал глазами округлые буквы.

— Вы правы, синьор. Не такая это улица, чтобы находиться там долгое время. Разве только... — Он не закончил фразу и поклонился: — Я отыщу ее, чего бы мне это ни стоило.

— Поторопись, — напутствовал его хозяин. — Не тебе напоминать, что мой спиритический сеанс назначен на завтра.

Гильом развел руками:

– Разумеется, синьор.

*Когда слуга удалился, Калиостро довольно потер вспо-
тевшие ладони. Если эта женщина согласится... если согла-
сится... А она должна согласиться, черт возьми... Услы-
шав о ней, он долгое время не упускал ее из вида. Так вот,
если она согласится, они вдвоем... Впрочем, Алессандро ре-
шил не загадывать.*

Дивногорск, 2017

Девушка сидела как во сне. Врач и медсестра сустились
возле деда, поправляли капельницу, а он, неподвижный и
бледный как смерть, лежал, ничего не слыша и не видя. Юля
вышла из ступора только тогда, когда водитель облегченно
вздохнул:

– Приехали.

Выскочив из салона, бригада «Скорой» вытащила носил-
ки и торопливо повезла Матвея Петровича к семиэтажному
новому корпусу, где располагались хирургическое и кардио-
логическое отделения. Какой-то мужчина средних лет в бе-
лом халате, с потным широким лицом стоял на ступеньках,
и Юля почему-то подумала, что это заведующий отделени-
ем. Глянцевый бейджик на униформе осветил луч солнца, и
Самойлова прочитала: «Егоров Павел Николаевич».

– Сюда, сюда, осторожнее, – направлял он медиков, и

вскоре носилки остановились возле белой стеклянной двери с надписью «Реанимация». Врач «Скорой» и медсестра, попрощавшись, ушли. Полную черноглазую женщину сменила другая медсестра, в зеленоватом медицинском халате. Толкнув дверь ногой, она исчезла за белым стеклом.

– Я его внучка, – обратилась девушка к доктору и подавалась вперед, собираясь зайти туда, где ее деду пытались сохранить жизнь. – Кроме меня, у него никого нет. Да и у меня тоже. – Она взмахнула руками. – Ну пожалуйста, я вас прошу!

Павел Николаевич, как заправский охранник, преградил ей дорогу:

– Дальше вам нельзя. – Доктор дружески похлопал девушку по плечу. – Он без сознания, в очень тяжелом состоянии. Мой вам совет – идите домой. Если что-то... – Егоров замялся и покраснел. – Мы вам сразу...

Девушка вцепилась в рукав зеленоватого халата:

– Если что? Что вы имеете в виду? Что? Что???

Доктор избегал смотреть на Юлю.

– Ну, говорите, говорите! Вы хотите сказать, что его не удастся спасти?

– К сожалению, мы не боги. – Доктор открыл стеклянную дверь. – Идите домой, я вам сказал. Вы никому ничем не поможете. Будете только мешать.

Юля покачала головой:

– Нет, нет, как я могу уйти?

Доктор пожал широкими, как у борца, плечами:

– Ну как хотите. Тогда посидите пока здесь. Но я уверен, что никаких изменений в его состоянии не будет, по крайней мере, несколько часов.

– Да. Да, я понимаю, – рассеянно кивнула девушка. – И все же я останусь.

Она села на стул и погрузилась в раздумья. Перед ней проносились картины счастливой семейной жизни, но это было давно, очень давно. Вот бабушка, заботливая, хлопотливая, печет пироги с рыбой, вот дед, вернувшийся с рыбалки, коптит рыбу на даче, вот мама, здоровая, счастливая, красивая, рвет цветы – огромные розы со звучным названием «Глория», желто-розовые, умопомрачительно пахнущие, вот отец, улыбающийся широкой улыбкой... Да, это было действительно давно.

Юля не заметила, как задремала. Картины мирной жизни продолжали проноситься перед ее глазами. Наконец чуть глуховатый, напряженный голос врача вывел ее из забытья:

– Он пришел в себя и спрашивает о вас/

Самойлова вскочила, опрокинув стул:

– Куда идти?

– Идите за мной.

Он распахнул дверь, ту самую, стеклянную, с пугающей надписью.

– Заходите.

Юля почувствовала, как дрожат колени. Ей почудилось,

что она входит в тот, другой мир, и от человека, стоявшего рядом, зависит, выйдет ли она отсюда вместе с дедушкой или останется совсем одна.

– Скажите, у него есть шансы на выздоровление?

Доктор пожал плечами:

– Не хочу вас обнадеживать. Сами понимаете, возраст. Но это уже во-вторых. Отморозки истыкали его каким-то острым предметом. Огромная кровопотеря.

Он остановился и приоткрыл дверь палаты:

– Вот мы и пришли. – Мужчина подталкивал Юлю к кровати, на которой лежал дедушка, но Самойлова медлила. Увидеть его, самого родного и любимого, в таком беспомощном состоянии... Нет, это выше ее сил.

– Подойдите, не бойтесь, – убеждал ее доктор. – Несколько минут... У вас всего несколько минут.

Наконец Юля заставила себя подойти к кровати и охнула. Дедушка, дедуля, звавший ее любовно Юлой, лежал бледный, как укрывавшая его щуплое тело простыня. Тонкий нос с небольшой горбинкой заострился. В осунувшемся лице не было ни кровинки. Седые волосы ерошились как-то по-детски незащитно.

Она дотронулась до безжизненной руки в старческих пигментных пятнах:

– Дедуля... Бедный мой дедуля... Как же так... Как же так...

Синие губы больного дрогнули. Врач, как часовой, стояв-

ший у изголовья, наклонился над ним.

– Матвей Петрович, вы меня слышите?

Мужчина открыл большие глаза цвета стали и оглядел пришедших. Увидев любимую внучку, он словно засветился изнутри.

– Юла, как хорошо, что ты здесь, моя внученька. – Старик попытался приподняться. – Если бы я не успел поговорить с тобой, я бы себе это не простил даже на том свете. – Матвей Петрович закашлялся, и на губах появилась кровавая пена. Врач сразу засуетился.

– На сегодня достаточно. Поверьте...

Матвей Петрович тяжело задышал:

– Доктор, не мешайте... Иначе не успею. Чувствую, мне недолго осталось. Юла, не перебивай... – Его дыхание становилось все прерывистее. – Пусть доктор уйдет... Ненадолго...

– Павел Николаевич, вы бы не могли оставить нас наедине? – попросила Самойлова. – Пожалуйста.

– Но... – слабо пытался протестовать доктор, и она с усилием подняла руку, как бы умоляя его замолчать:

– Я прошу вас.

Павел Николаевич сдался:

– Ну хорошо, только недолго.

Когда за ним закрылась дверь, дед снова попытался приподняться, заставляя себя это сделать каким-то невероятным усилием воли. Казалось, желание что-то поведать близ-

кому человеку придавало ему силы.

– Я был не прав, что так долго молчал.

Юля наморщила лоб:

– Ты о чем?

Лицо деда покраснело от напряжения.

– Прости меня, Юла, за все прости. – Она попыталась что-то сказать, но Матвей Петрович остановил ее: – Тише, мне трудно говорить... Я виноват перед всеми... из-за меня умерла твоя мать, и мой сын покончил с собой... Когда-то я совершил страшную вещь, присвоил чужое, а она меня предупредила, что этого не следует делать...

– Кто предупреждал? – Самойлова ничего не понимала.

– Черная графиня. – Дед схватился за грудь. – Умираю, умираю... Успеть бы сказать... Она приходила к нам в Артеке, предупреждала, предупреждала... Ты должна найти ее могилу и все вернуть... Все драгоценности... У меня на даче... Карта... Люди... Они были тогда со мной... У них тоже... Найди их...

– Дедушка! – Юля вцепилась в его руку. – Дедушка, о ком ты говоришь? Я ничего не понимаю! Дедушка!

– Черная графиня, она... – Старик вдруг широко распахнул глаза, будто пытался лучше рассмотреть внучку, склонившуюся над ним, захрипел и упал на подушку.

– Дедушка! – Девушка принялась трясти старика, но он лежал безмолвный и недвижимый, не реагируя на ее рыдания. Будто опомнившись, Самойлова выскочила из палаты и

помчалась по коридору, истошно крича:

– Павел Николаевич!

Он возник точно из ниоткуда, в зеленоватом халате, с бледным лицом, с застывшим вопросом в глазах.

– Он умер, умер... – Юля схватила его за руку. – Доктор, умоляю, быстрее, может быть, можно что-то сделать.

– Посмотрим, посмотрим, – бормотал Павел Николаевич, ускоряя шаг. В стеклянную дверь они ворвались вместе. Дедушка лежал в той же позе, только успевшее загореть лицо уже не выражало страдание – оно казалось спокойным и умиротворенным. Юля вспомнила посмертные маски великих людей. Они ничего не выражали. Вот и сейчас она видела просто гипсовое лицо, не имевшее ничего общего с ее дедом, которому, казалось, смерть принесла облегчение и открыла какую-то важную истину. Доктор пощупал пульс и тяжело вздохнул:

– К сожалению, Юля, вы правы. Он действительно скончался.

– Но почему, почему вы его не спасли? – Юля вдруг зарыдала истерично, навзрыд, как ребенок. Павел Николаевич слегка прищурился, вероятно, думая, какие слова лучше сказать в этом случае, однако ничего не придумал.

– Я знал с самого начала, что не спасу его, – признался он. – Возраст и ужасные раны, к тому же большая кровопотеря. Его не спас бы даже бог медицины. Вы взрослый человек и должны это понимать.

Юля сникла, бессильно опустившись на кровать рядом с Матвеем Петровичем.

– Мой разум не хочет воспринимать это, – проговорила она, всхлипывая. – Он был для меня самым близким человеком.

– Все мы когда-то теряем близких, – философски заметил врач.

– Я потеряла их слишком рано. – Самойлова поднялась и направилась к двери. Обернувшись на пороге, она бросила взгляд на тело, которое доктор прикрыл простыней.

– Когда я могу его забрать?

– Думаю, послезавтра, – ответил Павел Николаевич. – Но постойте, зачем забирать? Мы подготовим необходимые документы, вы принесете вещи. Заберете дедушку в день похорон, так все делают.

– Да, да, хорошо, я так и сделаю, – кивнула девушка.

– Завтра приходите за свидетельством о смерти, – сказал врач. – Только не сюда, в морг. Он возле церкви.

– Да, хорошо. – Она хотела добавить «спасибо», но не могла произнести это слово, почему-то считая, что доктор сделал не все возможное для спасения деда.

– До свидания, – попрощался Павел Николаевич.

На негнущихся ногах Юля вышла из больницы и опустилась на скамейку возле маленького фонтанчика – безвкусного сооружения родом из шестидесятых, натужно выбрасывавшего ржавую струю. В сумке затренькал мобильник, и

девушка вспомнила, что давно не общалась с Сергеем. Он оставался на даче, поджидал оперативную группу. Удалось ли им что-нибудь найти?

Она нажала кнопку, и в трубке раздался голос любимого:
– Как вы?

– Матвей Петрович умер, – выдохнула Самойлова. – Сережа, я осталась совсем одна.

– Ты не одна. – Сергей пытался ее успокоить как мог, но чувствовал, что у него плохо получается. – Я с тобой, и тебе это известно.

– Теперь нужно думать о достойных похоронах. – Юлия нервно глотнула. – Скажи, а как дела у тебя? Удалось что-нибудь отыскать?

– Удалось понять, что это не обычное ограбление, – пояснил молодой человек. – Твой дед недавно получил пенсию, и она в целости и сохранности лежала в его портмоне. Преступники не могли ее не увидеть. Значит, их интересовало другое. Я уже успел позвонить Павлу Николаевичу, чтобы договориться о передаче тела на судмедэкспертизу. Так вот, доктор полагает, что Матвея Петровича пытали. Его искололи острым предметом, предположительно шилом. Выходит, преступники хотели что-то узнать. У тебя есть какие-нибудь предположения?

– Есть, – призналась девушка. – Перед смертью дедушка пытался мне что-то сказать, попросить прощения... Но я ничего не поняла. Он говорил о какой-то черной графиче-

не, которая преследовала его еще в Артеке. Артек, Артек. Это в Крыму, правда? – уточнила она. – Но почему дедушка вспомнил Артек? Он никогда не говорил, что отдыхал там.

– Что еще? – деловито поинтересовался Сергей. – Юля, я понимаю, как тебе трудно, но ты должна вспомнить этот разговор во всех подробностях. Это очень важно.

Самойлова наморщила лоб:

– Он сказал, что взял что-то, чего не должен был брать, и просил меня найти какие-то драгоценности и вернуть в могилу. Только в какую? Этой черной графини?

– Милая, что еще? – умолял ее молодой человек. – Как найти эту могилу или драгоценности? Он был обязан дать тебе какую-то наводку.

– Да, дедушка упоминал о карте... – пробормотала она. – Но где ее искать? Об этом знают какие-то люди, однако дедуля не успел сказать, кто они.

Полицейский задышал в трубку:

– Карта, карта... Вероятно, за ней и приходили эти отморожки. Или за драгоценностями, но, скорее всего, за картой. Судя по всему, с помощью карты Матвей Петрович и просил отыскать эти самые драгоценности. – Он помедлил, словно обдумывая слова. – Любимая, как бы тебе ни было трудно, мы должны осмотреть на даче каждый уголок.

– Но я... – замялась Юля. – Мне тяжело туда возвращаться. И потом, почему ты думаешь, что грабители не нашли карту?

– Не нашли. – Он отвечал довольно уверенно. – Иначе твой дед не просил бы тебя найти сокровища. Их спугнула соседка, тетя Шура, которую мы позвали в понятые. Как выяснилось, она собиралась зайти к Матвею Петровичу похристосоваться, увидела открытую калитку, услышала какую-то возню в доме, покликала твоего деда, но войти не решилась. Может, если бы вошла – кто знает? – спасла бы ему жизнь. Может, своей бы лишилась... Ей показалось, что кто-то выпрыгнул в окно спальни, но описать его она, естественно, не в состоянии. Юлечка, ну будь мужественной, прошу тебя.

Девушка вздохнула:

– Хорошо. Сейчас возьму такси.

– Жду.

Ей удалось поймать машину довольно быстро. К счастью, водитель, пожилой мужчина в клетчатой рубашке, не утомлял разговором, и Юлия задумалась о том, о чем собиралась подумать позднее. Но думать придется – рано или поздно. Ей предстояло пройти самое неприятное в жизни – похороны единственного оставшегося в живых близкого человека, и она не представляла, как выдержит эту процедуру, но знала, что выдержит. Человек жив, пока о нем помнят. Значит, ее дед навсегда останется живым в ее памяти. Такие мысли приносили хоть и небольшое, но облегчение. Завтра нужно выбрать ритуальное агентство, которое сделает все быстро и качественно, освободив ее по возможности от всего. Ведь каждый шаг в организации такого мероприятия давался с тру-

дом. Но ничего, все будет достойно, дедушка это заслужил. В своих скорбных мыслях она не заметила, как машина подъехала к даче. Сергей ждал ее у калитки, поникший, бледный. Бросившись к автомобилю, он помог ей выйти и обнял:

– Мои ребята уже сделали все, что от них требовалось, и уехали. Как ты?

– Это самый неуместный вопрос, который ты задал в своей жизни, – буркнула Юлия. – Как я могу себя чувствовать, потеряв последнего оставшегося в живых близкого человека? Кажется, от меня оторвали кусочек, который ничем не заменишь.

– И тем не менее ты должна собраться и помочь найти преступника, – твердо сказал Сергей. – Это не только в моих интересах, но и в твоих тоже.

Юлия так закусила губу, что крошечная рубиновая капелька окрасила ее в красный цвет.

– Да, я должна помочь, – заявила она. – И я помогу, но, черт возьми, как? Я ничего не поняла из того, что сказал дедушка перед смертью.

Молодой человек, продолжая обнимать любимую, словно боясь отпустить ее от себя, ласково проговорил:

– Просто вспомни еще раз его слова. Пойдем в дом, сядем, выпьем чаю, ведь у тебя с утра маковой росинки во рту не было. Сегодня такой день... Пасха... Для этого гада – убийцы – нет ничего святого. Страшный грех на душу взял. Мы найдем его, вот увидишь.

Юля послушно прошла в комнату, боясь увидеть следы преступления, однако все уже было убрано, лишь кое-какие бумаги, которые Сергей не успел собрать, сиротливо белели в углах.

– Садись. – Она опустилась на стул, своим жалобным скрипом будто выразивший сожаление об умершем хозяине, и полицейский придвинул ей чашку с дымящимся чаем: – Пей и ешь.

Девушка сделала глоток и заставила себя откусить от ароматного кулича.

– Не могу. – Она отставила угощение. – Прошу тебя, не заставляй меня есть после всего, что я сегодня увидела. Давай лучше вернемся к разговору с дедом. Значит, ты думаешь, преступник ничего не нашел?

– Думаю, нет, я уже высказывал свое мнение. – Он наморщил гладкий лоб, и Юле, как всегда, захотелось разгладить каждую складочку. – Милая моя, – Сергей погладил ее дрожащую руку, – поразмысли, где дедушка мог сделать тайник? Но это должен быть необычный тайник. Его не обнаружил отморозок, не верящий ни в бога, ни в черта. Ну, любимая, давай, давай!

Юля закрыла лицо руками, вспоминая каждое мгновение, проведенное на даче вдвоем с дедом, каждое слово, сказанное им. Может, в каком-то из них содержался намек на тайник? Да нет, вряд ли... Ничего такого не было.

– Он никогда не говорил мне о тайнике, – сказала она уве-

ренно. — И никогда не намекал. И это понятно. Дед не соби-
рался умирать.

Сергей покачал головой:

— И все же что-то было, не могло не быть.

Самойлова не отвечала.

— Давай-ка сами все осмотрим, — предложил Сергей.

— Разве грабитель оставил нам хотя бы один шанс? — уди-
вилась Юля. — Все перерыл, ирод. Искать нечего, Сережа.
Раз он не нашел, то и мы не найдем.

— И все же попробуем. — Капитан потянул ее за локоть. — В
этой комнате все перерыто и погребка нет. Искать бесполезно.
В соседней — тоже. А вот в кухоньке погреб имеется. Давай
с него и начнем.

Они прошли в кухоньку, именно не кухню, а кухоньку, ма-
ленькую, аккуратненькую, словно кукольную, с вымытыми
до блеска оконцами с голубыми наличниками, занавесками с
огромными красными маками и в тон им чашечками и тарел-
ками с золотистой каемкой и цветами. Юля помнила каждую
щербинку на посуде, каждую трещинку, знала, что сервизу
уже много лет и что когда-то дед с бабушкой покупали его в
ГУМе в Москве. После бабушкиной смерти Матвей Петро-
вич с какой-то болезненной бережливостью относился к по-
суде, боялся, что кто-то разобьет чашку или тарелку и лишит
его памяти о покойной жене. Проходя мимо полки, Самой-
лова любовно дотронулась до одной из кружек и взглянула
на открытую крышку погребка.

– Здесь тоже побывали, Сережа.

– Да знаю я, что здесь побывали. – Он с досадой махнул рукой. – Подойди ближе и посмотри, все ли на месте или чего-то не хватает.

Девушка покорно подошла к зияющему, как беззубый рот, отверстию в полу и заглянула вниз. Банки с соленьями и вареньями беспорядочно валялись на полу, некоторые разбились, и содержимое перемешалось, образуя лужи причудливых цветов.

– Жаль варенье, и маринованные овощи и грибы жаль, – вздохнула Юлия. – Ты знаешь, как дед консервировал... Не каждая женщина... – Она вдруг запнулась и потерла пальцами виски. – Вон та банка, которая валяется возле табуретки, видишь? Пол-литровая, с коричневым содержимым... Правда, отсюда плохо видно, но я знаю, что это она. Сколько я себя помню, она всегда стояла в погребе. Когда я просила деда открыть ее, он отнекивался: мол, это готовила бабушка, и ему хотелось бы оставить в память о ней. Варенье давно засахарилось, да так, что, наверное, его и ложкой не пробить. А дедуля все его берег...

Сергей с любопытством наблюдал за девушкой. Как всегда в минуты задумчивости, Юлия хорошела, в светлых глазах появлялся блеск, щеки розовели... Ему захотелось приласкать ее, прижать к сердцу, но он понимал, что это несвоевременно.

– Давай спустимся вниз, – предложил он.

– Давай.

Они спустились в погреб по скрипучей лестнице, и Самойлова взяла в руки испачканную вареньем банку.

– Да, та самая. – Она повертела ее перед носом. – Знаешь, о чем я сейчас подумала? Николай Второй пытался спрятать драгоценности с банках с оливковым маслом. По мнению пожилых людей, обычные стеклянные банки намного надежнее банков как финансовых учреждений. Вот я и подумала... Иначе зачем ему хранить варенье столько лет?

Сергей пощипал себя за кончик носа, что делал в минуты крайнего волнения. От этой привычки его никто не мог отучить.

– А ведь верно... – Его красивое лицо просветлело. – Давай-ка выйдем на свет божий и посмотрим.

– Давай, мне кажется, что я задыхаюсь от спертых воздуха, – прошептала Юля и вдруг сама прижалась к Сергею. – Сережа, мне страшно.

Плотников взял ее разгоряченное лицо в свои прохладные руки и осторожно поцеловал в раскрытые губы, потом бережно, словно она была фарфоровой, повел девушку к дряхлой лестнице со скрипучими ступенями, по которой дед много раз в день спускался в погреб за вареньями и соленьями. Оказавшись в кухне, полицейский деловито осведомился:

– Есть у него ключ для открывания консервных банок?

– Открывашка? – поинтересовалась Юля. – В ящике ку-

хонного стола.

Порывшись среди ложек и вилок, молодой человек отыскал старую открывашку с чуть заметной ржавчиной на железе.

– Похоже, ею давно никто не пользовался, – удивился он. – Как же справлялся Матвей Петрович?

Юля пожала плечами:

– Открывай.

– Какая ты прыткая! – усмехнулся Сергей. – Еще недавно была готова упасть в обморок, а теперь, как говорят, живет всех живых.

– Мне, как и тебе, не терпится узнать, что это за таинственная черная графиня, в могилу которой мы должны положить какие-то ценности, – пояснила Юля. – Ну, орудуй.

Плотников ловким движением открыл крышку, которая от старости почти отвалилась вместе с кусочками стекла. Варенье неопределенного цвета (какой фрукт лег в его основу, тоже было не разобрать) действительно засахарилось. Оно было таким твердым, что отколупнуть от него кусочек можно было, только приложив усилия. Отчаявшись раскопать содержимое ложкой, Плотников отыскал в ящике большой острый нож, наверное, для резки мяса, и погрузил его лезвие в твердую массу. Ему удалось вытащить варенье из банки, разрубить его на куски и извлечь два свертка в оберточной промасленной бумаге. Юля затаив дыхание следила за длинными пальцами любимого, осторожно раскрывавшими

тайники. Содержимое их удивило. В одном свертке оказался обрезок старой новогодней открытки годов этак пятидесятих (они почему-то так подумали, что открытка новогодняя и пятидесятих годов: на ней было изображено улыбающееся личико снеговика с традиционным носом-морковкой и детским ведерком вместо шляпы). Второй сверток порадовал их меньше. Вероятно, в щель в промасленной бумаге просочился сироп, который за многие годы съел чернила, и влюбленные не смогли прочесть, что было там когда-то написано.

– Да, возможно, в этом письме и хранился секрет всего, – высказал предположение Сергей, потирая нос. – Только нам прочесть это не под силу. Придется отдавать на экспертизу. Если наша техника потянет, скоро мы будем знать, что хотел сказать дедушка.

– Ты можешь поехать сейчас? – жалобно спросила Юлия. – Только, любимый, довези меня до какой-нибудь ритуальной конторы. Я хочу, чтобы дедушку похоронили достойно. Он не жалел на меня сил и денег, и я не пожалею для него ничего, хотя, наверное, сейчас это звучит по меньшей мере глупо.

– Я слышал, лучшая в нашем городе – «Скорбь», – отозвался Плотников и взял со стола борсетку. – Пойдем, дорогая.

Они вышли в теплый апрельский день. Удары колокола, доносившиеся из деревянной церквушки, не казались Юле торжественными. Сегодня, несмотря на светлый праздник,

они били траурно, будто исполняли реквием по ее умершему деду.

– Сережа, ты ведь найдешь их? – Она прислонилась к его плечу, пока он заводил и прогревал машину. – Ну, этих отморозков.

– Это мой долг, любимая, – пообещал он, и автомобиль медленно поехал по проселочной дороге.

По дороге до агентства молодые люди молчали, и лишь высадив девушку, Сергей пожелал ей быть мужественной.

– Тебе понадобятся силы, чтобы помочь мне отыскать убийц, – напутствовал он любимую.

Она молча кивнула.

– Я тебе позвоню, когда что-нибудь выясню, – пообещал Плотников, затем еще раз коснулся бледной щеки девушки и сел в автомобиль, с грустью провожая глазами Юлю, поднимающуюся по ступенькам в ритуальное агентство. И только когда стеклянная дверь за ней закрылась, он включил зажигание.

Глава 3

Париж, 1785

Гильом, прекрасно знавший Париж, не зря отметил убогость улицы Сен-Клод, где обитала Жанна де Ла Мотт. Кутаясь в теплое пальто, он остановился у почерневшего от старости и сырости дома, стряхнул снег с сапог и вошел в темный подъезд. Квартира графини находилась на втором этаже, и слуга, побряхтывая и считая вслух, принялся подниматься по крутым, довольно ветхим ступеням:

– Раз, два, три... Черт, да сколько их тут!

Преодолев ровно одиннадцать, Гильом замер возле черной исцарапанной двери и постучал. На его удивление, она сразу отворилась, и слуга нос к носу столкнулся с пожилой особой, облаченной в старый, лнялый капор.

– Что вам угодно, сударь? – спросила она строго. Гильом галантно поклонился, хотя ни минуты не сомневался, что перед ним не та, к кому его послал Калиостро. Скорее всего, эта пожилая особа – такая же служанка, как и он, но довольно противная.

– Мне нужна графиня де Ла Мотт.

– Зачем? – Красный нос женичины задергался от любо-

пытства.

— У меня к ней поручение от очень важного человека, — ответил слуга уклончиво. — И говорить я буду только с ней.

Старая гримза не торопилась впускать непрошеного гостя, видимо, собираясь еще что-то спросить, но приятный голос, принадлежавший явно молодой женищине, вклинился в их пустую беседу:

— Кто там, Клотильда?

Старуха зашмыгала носом — тонким, длинным, в мелких морщинах.

— Он утверждает, что у него поручение.

— Впусти его.

Служанка немного колебалась, всем своим видом демонстрируя, что от ее решения тоже что-то зависит, и пропустила Гильома:

— Ладно уж, идите.

Мужчина оказался в маленьком коридоре, в котором полностью отсутствовала мебель, и с удивлением заметил, что в квартире почти так же холодно, как на улице. Он решил не снимать пальто, тем более вешалка, подпиравшая стенку и кренившаяся набок, была пуста. Вероятно, обитатели холодной квартиры надели на себя все, что имелось в гардеробе.

— Сюда. — Пожилая особа отворила дверь в комнату, и Гильом предстал перед сидевшей на софе молодой черноволосой женищиной с тонкими, аристократичными чертами

лица.

Она казалась довольно миловидной и приятной, но была одета столь же легко и бедно, как служанка. Ее наряд состоял из простого красного платья и черной шали, накинутой поверх. Парик дама не носила, и черная прядь волос оттеняла высокий мраморный лоб; тонкие губы слегка посинели, маленькие руки теребили дырявую муфту. Верный раб Калиостро пораился, как столь слабое создание выносит такой холод. Казалось, что какой-то знатный мужчина с темной бородой и узким лицом, строго смотревший с портрета, висящего на серой, с подтеками стене, тоже подергивался, пытаясь согреться. Гильом с удивлением узнал в нем Генриха Валуа, короля французского и польского. Он-то что делает в убогой квартирке?

– Я графиня де Ла Мотт, – представилась женщина и улыбнулась, продемонстрировав прекрасные ровные зубы. – Вы удивляетесь, почему я сижу в холоде? – Она словно читала его мысли. – А что делать, если денег на дрова не осталось? Правда, может быть, тот господин, которого вы представляете, подбросит мне немного? Он послал вас, получив мои письма, не правда ли?

– Мне только известно, что мой господин, граф Калиостро, желает завтра видеть вас на своем спиритическом сеансе, – мягко ответил Гильом.

Тонкие черные брови графини поползли вверх, как две змейки.

– Граф Калиостро? Это тем более удивительно, что я ему не писала. Маг и чародей никак не может выхлопотать мне достойную пенсию. Чего же он хочет?

Слуга «мага и чародея» повторил так же мягко:

– Чтобы вы были завтра на сеансе.

Графиня сжимала и разжимала маленький белый кулак, вероятно, пытаясь хотя бы таким образом размять застывшие пальцы.

– Но, насколько я знаю, в его салоне собирается изысканное общество. Бедной женщине – такой, как я, – нечего там делать. – Она обвела взглядом комнату, в которой, кроме софы, накрытой выцветшим шелковым покрывалом неопределенного цвета, двух стульев с прохудившимися сиденьями, бесстыдно обнажавшими пружины, камина, который давно уже никто не топил, и маленького столика, ничего не было. – Кроме всего прочего, у меня всего два платья. Одно на мне сейчас. Видите, какое оно поношенное? Мне не стыдно выйти в нем к благотворительницам, чтобы продемонстрировать нищету, в которой я живу. Но явиться в нем в общество... Извините, но я вынуждена отклонить приглашение. – Жанна де Ла Мотт чуть приподняла подол платья, продемонстрировав Гильому стоптанные туфли. – А что вы скажете на это? Тем не менее это моя единственная обувь.

Мужчина застыл в раздумье. Разумеется, эта женщина наденет вуаль, но жалкая маскировка ее не спасет. За сто-

лом графа она станет всеобщим посмешищем, и острячки, подобные маркизе де Шалье, обязательно пустят в незнакомку парочку шпилек. Такие уж это создания – женичины. Они кричат на всех поворотах о своем щедром сердце, о добрых делах, но никогда не упустят случая унижить (причем с самым невинным видом) подобное им существо, в то время как мужчины, настоящие мужчины... Он запустил руку в карман и достал несколько монет.

– Думаю, здесь хватит на платье. – Гильом положил деньги на столик с изрядно потертой полировкой. – Конечно, оно не будет столь дорого и изысканно, как наряды некоторых из присутствующих дам, но, во всяком случае, будет новым и без заплат. Не знаю, хватит ли на башмаки... Впрочем, в комнате, где будет проходить сеанс, всегда очень темно. Кроме того, вы уйдете раньше.

Женичина лукаво улыбнулась:

– То есть вы намекаете, что к столу я не приглашена.

– Честно говоря, сударыня, я понятия не имею, что собирается делать граф после сеанса, – признался Гильом. – Иногда он так устает, что сразу удаляется к себе в спальню.

Графиня развела руками:

– Видите, до чего довела меня бедность... Приходится брать деньги у слуги. Однако помните: я беру их только потому, что ваш господин приказал вам передать его просьбу. Если я не приду на сеанс, вас сделают виноватым, а этого

я не могу допустить.

Она мило улыбнулась, и Гильом ответил ей столь же милой улыбкой:

— К сожалению, вы правы, сударыня.

— Я всегда права. — Жанна поднялась, продемонстрировав царственную осанку. — Клотильда вас проводит. Передайте графу, что я обязательно буду.

Слуга поклонился и вышел в коридор, почти не скрывая радости. Обстановка этой убогой квартиры действовала угнетающе. От всего облика графини веяло какой-то тайной, однако Гильом не привык задумываться над непонятными вещами. С таким человеком, как его хозяин, непонятные вещи окружают всю жизнь. Разгадывать загадки — дело магов и чародеев, каковым и является Калиостро. Что касается его, Гильома, то он просто скромный слуга, никогда не совавший нос в дела графа. Если эта женищина нужна Калиостро, он ее получит.

Когда незнакомец ушел, сопровождаемый неодобрительным ворчанием Клотильды, Жанна с легкостью вскочила с софы и подбежала к заиндевевшему окну. Она видела, как мужчина, бросив быстрый взгляд на дом, поспешил по улице, кутаясь в пальто. Его визит ни о чем ей не сказал. Разумеется, как и все в Париже, она слышала про графа Калиостро, но никогда не ходила на его сеансы, которые он устраивал для парижской знати. Интересно, зачем она ему понадобилась? Может быть, кто-то из тех знатных особ,

которые иногда посещали ее убогую квартирку и обещали выхлопотать ей достойную пенсию, упомянул о ней? Но это все равно не объясняло желания графа видеть Жанну у себя. Наморщив лоб, молодая женщина придумывала всевозможные причины и, так ничего и не придумав, вернулась на софу.

— Клотильда! — позвала она служанку.

— Слушаю, госпожа.

— Я подожду еще пару часов и больше никого не приму, — сообщила ей свое решение Жанна. — В квартире очень холодно, и нам следовало бы затопить камин. Мы сегодня достаточно заработали, чтобы позволить себе такую роскошь. — Она достала из муфты крошечный ключик и что-то ковырнула на поверхности столика. Потертая поверхность раздвинулась, обнажив нишу, и графиня вынула кошелек.

— Держи. — Жанна протянула Клотильде сто ливров. — Купи дрова, какой-нибудь еды и приличное, но скромное платье. Завтра я выхожу в свет.

Клотильда бросила плотоядный взгляд на кошелек.

— Госпожа, зачем же экономить на платье? Если вы решили наконец показаться в свете, нужно покупать лучшее.

Де Ла Мотт нахмурилась, поражаясь тупости служанки.

— О том, сколько у нас денег на сегодняшний день, знаем только ты и я, — раздраженно проговорила она. — За кредитом к банкирам принято ездить в шикарном собственном экипаже. А женщине благородного происхождения, если она

хочет вернуть имена и титул, проще давить на милосердие знатных господ.

— Дешево стоит это милосердие, — прошамкала старуха, но спорить не стала. — Сию минуту выполняю ваши приказания.

— Будь любезна.

Наконец дверь за верной служанкой закрылась.

** * **

Слуга Калиостро, увидев на стене портрет Генриха II, не стал долго думать и не поинтересовался (впрочем, проявлять интерес не позволял его ранг), что делает в квартире графини бывший король Франции. Но если бы он вдруг узнал правду, то был бы очень удивлен. Опальному королю молодая женищина приходилась самой настоящей внучкой. Да-да, в ее жилах текла королевская кровь, и графиня де Ла Мотт давно уже собиралась вернуть все, что принадлежало ей по праву. Хотя, наверное, сделать это было нелегко. Современный королевский двор ненавидел Валуа и не желал вспоминать о некогда всемогущем роде. Вот почему ни король, ни королева никогда не откликались на ее прошения. Возможно, они казались им смешными: родственники Валуа давным-давно пошли по миру.

Отец Жанны проживал в ветхом деревянном домике в одной из деревень под Парижем. Хоть он и являлся незаконно-

рожденным, он всегда помнил, к какому знатному роду принадлежит. Однако он никогда не помышлял вдруг оказаться при дворе, предпочитая голодать. Крошечная пенсия от королевской семьи и скудный урожай с участка земли позволяли ему не протянуть ноги. Сварливая жена, мать Жанны, в прошлом служившая привратницей, никогда не любила мужа. Соблазненная его рассказом о великих предках, женищина заставила супруга переехать в столицу, и там, в бедном парижском квартале, у них родилась дочь. Отец был для девочки единственным на всем белом свете близким существом в отличие от матери, которая то и дело сетовала на свою глупость – неудачное замужество – и глупость мужа, не умевшего прокормить семью. Голод и постоянные переживания добились несчастного, и он умер от воспаления легких. Жанне показалось, что мать даже обрадовалась. Она сразу выгнала дочь из нищей квартиры, и девочке пришлось просить милостыню.

Жанна сказала себе: сидеть на паперти или назойливо приставать к хорошо одетым прохожим, хватая их за одежду вместе с другими претендующими на такой же заработок калеками и убогими, от которых всегда пахло нечистотами, она не будет. Пусть сейчас она ничем не лучше их, такая же нищенка, но в ее жилах течет королевская кровь, и люди, подающие ей, должны знать об этом. Девочка по возможности старалась выглядеть опрятной и робко обращалась к проходившим по улице дамам:

– Подайте потомку королевского рода *Валуа*.

Прохожие вели себя по-разному. Некоторые откровенно смеялись ей в лицо, обзывали, гнали, и ей приходилось удаляться в подворотни под аккомпанемент веселого улюлюканья уличных мальчишек, сразу прозвавших ее «ваше нищее величество». В такие минуты ей хотелось броситься в мутные воды Сены, чтобы никогда больше не испытывать чувство стыда и унижения. Но, к счастью, насмешиников было немного. Часто растроганные дворянки охотно платили девочке, и Жанна, с восторгом глядевшая на меха и золото, понимала: на их месте могла быть она. А раз могла, то должна оказаться, чего бы ей это ни стоило. Но как простой нищенке, даже королевской крови, стать с ними вровень? Ее маленький хитрый мозг работал денно и нощно. Маленькая бродяжка говорила себе, что ее день еще наступит, нужно только подождать.

Однажды холодной зимой, прислонившись к стене какого-то дома и пытаясь согреться в дырявой накидке, которая настолько прохудилась, что начала расползаться, Жанна увидела богатый экипаж. Кучер остановил лошадей у внушительного особняка и помог выйти из кареты шикарно одетой женщине.

– Узнайте, дома ли господин Буленвилье, – властно приказала дама, – и доложите ему о моем приходе.

В другой момент девочка ни за что не подбежала бы к обладательнице такого властного голоса, но сегодня выби-

рать не приходилось. Либо она замерзнет здесь, на пустынной заледенелой улице, либо отогреется в таверне и продолжит мытарства дальше. Оторвавшись от стены, Жанна рванулась к незнакомке и вцепилась в ее шубу:

– Сударыня, прошу вас, подайте мне, иначе я замерзну или умру с голоду.

Женщина, оказавшаяся довольно молодой и привлекательной, удивленно взглянула на нищенку, так неожиданно появившуюся у нее на пути.

– Жак, подайте девочке монетку, – приказала она кучеру и сделала несколько шагов к дому, но вдруг остановилась, словно передумав, и повернулась к оборванке:

– Сколько тебе лет?

– Тринадцать, – покорно ответила Жанна.

– Ты сирота? Твои родители умерли?

– Мой отец умер. – Нищенка наклонила голову. – Он был королевской крови, из рода Валуа. А мать выгнала меня из дома, и вот уже год, как я о ней ничего не знаю.

Женщина сжала губы:

– Бедняжка! Пойдем со мной.

Она обняла девочку и повела в свой дом.

– Ты действительно родственница Франциска I?

Жанна смиренно наклонила головку:

– Да, сударыня.

Они поднимались по мраморной лестнице к тяжелой деревянной двери с ручкой, инкрустированной золотом, и де-

вочке казалось, что сейчас начинается ее восхождение в рай.

— Как тебя зовут, дорогая? — поинтересовалась добрая волишебница. Именно такой она представлялась сейчас маленькой нищенке.

— Жанна де Сен-Реми Валуа, — покорно ответила девочка. — Мой отец пытался вернуть титул, но его старания не увенчались успехом, и он звался просто Сен-Реми.

Лакей в напудренном парике и голубом шелковом камзоле открыл перед ними дверь, и Жанна оказалась в такой огромной прихожей, какой не видела за всю свою короткую жизнь. Блестящие мраморные лестницы вели наверх. Высокие готические окна скрывались под малиновыми бархатными занавесками. Стены украшала причудливая лепка с позолотой. С потолка свешивались хрустальные люстры. Их висяюльки блестели, как алмазы, привлекая пламя свечей.

— Жак, отведите эту бедняжку на кухню и накормите ее, — распорядилась дама, снимая с головы платок. — Потом попросите Адриану, чтобы она подобрала ей что-нибудь из одежды. — Она бросила взгляд на чумазые щеки девочки. — Да, и нагрейте воды. Она не мылась, наверное, несколько лет.

— Неправда, сударыня, — осмелилась возразить Жанна. — В теплые дни я всегда купалась в Сене. Отец учил меня следить за собой, ведь мы королевских кровей.

— Что ж, очень приятно слышать, что ты такая чистюля, — улыбнулась женищина. — И я не забыла о твоей ро-

дословной. Кстати, я тоже происхожу из знатного рода. Ты в доме маркизы де Буленвилье.

— О сударыня! — Жанна сделала реверанс, и маркиза, смеясь, подтолкнула ее:

— Ну, иди же. Жак устал тебя ждать.

Лакей в голубом камзоле увел девочку на кухню, которая произвела на нищенку не менее сильное впечатление, чем прихожая. Столько утвари и приспособлений для готовки она еще не видела. Ее мать довольствовалась одной закопченной кастрюлей, в которой варила неизменный луковый суп, и одной сковородой. Жак с удивлением наблюдал за странным хозяйским приобретением, рассматривавшим каждую поварешку, каждый прибор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.